

УДК 94 (47)«1941/1945»:316.728
DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-157-165

ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ СТАВРОПОЛЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. Н. Тальцев

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ

Повседневная жизнь военного времени, или военная повседневность, – одно из новых исследовательских полей современной исторической науки. Изучение событий войны «из окопа», с позиций комбатанта, или же глазами жителя тыла, оказавшегося в суровых условиях выживания, помогает реконструировать повседневные трудовые и досуговые практики, поведенческие мотивы людей, полнее и глубже исследовать отражение войны в жизни населения как всей страны, так и отдельного региона. Изучение опубликованных и неопубликованных архивных документов, в том числе воспоминаний, писем жителей Ставрополя времен Великой Отечественной войны, позволяет представить объемы и масштабы такого явления, как трудовая мобилизация. Население края, как и всей страны, с первых дней войны было привлечено к выполнению трудовой повинности – строительству оборонных объектов, укреплений, проведению сельхозработ. Тяжелый физический труд, по воспоминаниям участников, был непосилен для многих женщин, детей, подростков. Мобилизованным не создавалось условий для жизни, питания, господствовала антисанитария. Призванным в школы фабрично-заводского обучения школьникам не хватало одежды и обуви, скудное питание сочеталось с тяжелым трудом вместо обучения. Многочисленные «письма во власть» военного времени, в том числе с линии фронта, наполнены болью и отчаянием о тяжелом положении своих семей, мобилизованных на работы и находящихся на пределе выживания. В целом трудовая мобилизация, аккумулировав для нужд обороны бесплатный труд огромного количества людей, коренным образом поменяла повседневную жизнь населения. Тяжелейший, в суровых условиях ударный труд стал нормой жизни, позволив в конечном итоге выиграть войну.

Ключевые слова: трудовая мобилизация, Великая Отечественная война, жители тыла, повседневная жизнь, ставропольцы.

Актуальность представленной тематики обусловлена тем, что в настоящее время происходит пересмотр и переоценка некоторых проблем Великой Отечественной войны, что связано с введением в научный оборот новых, засекреченных ранее архивных документов. На этом фоне перед историками ставятся уже новые задачи, открываются темы и исследовательские поля, закрытые ранее по идеологическим, политическим или иным мотивам. Так, например, Е. Ф. Кринко в этом плане замечает, что «созданию более целостной картины Великой Отечественной войны способствует обращение к психологии и поведению отдельных социальных групп в экстремальных условиях военного времени» [1, с. 25]. Взгляд на историю «снизу» и «изнутри», с помощью приемов и методов исторической антропологии, социальной истории, микроистории помогает высветить новые исследовательские поля. В центре изучения находится существование простых людей, их трудовые и фронтовые будни, тяготы и испытания, выпавшие на их долю, повседневные поведенческие и речевые практики, стратегии выживания и способы адаптации людей к меняющимся условиям социальной и природной среды [2].

Повседневная жизнь военного времени, или военная повседневность, в последнее время стано-

вится предметом специального изучения. Начало разработки этого направления в российской историографии принадлежит Е. С. Сенявской. Исследователь рассматривает фронтовую повседневность Великой Отечественной войны с позиций «человека воюющего», или комбатанта, находящегося в «пограничной ситуации» – таком состоянии, когда становятся обыденными вещи, которые в мирной жизни такими не являются. [3]. В последние годы и другие исследователи обратились к теме военной повседневности, чему способствует рост публикации документов, в том числе и немецких (например: [4–6]). Исключительным изданием в этом ряду представляется монография-пунктир Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлыниной, И. Г. Тажидиновой, раскрывающая отдельные сюжеты военной службы, практики удовлетворения основных жизненных потребностей, трудовую и досуговую повседневность, особенности восприятия времени и пространства населением нашей страны в 1920–1940-е гг. [7].

Несмотря на ряд изученных и выявленных проблем, история советской повседневности в годы Великой Отечественной войны представляет собой огромное поле вопросов, различных не только по проблематике, но и территориально. В частности, малоизученной [8] остается проблема воспроизведения личного опыта и переживаний человека,

оказавшегося в условиях войны в тылу, на оккупированной территории, осуществляющего каждодневную трудовую деятельность. Как известно, начиная с первых дней Великой Отечественной войны в стране проводилась не только военная, но и трудовая мобилизация. Тысячи людей были брошены на строительство укреплений, объектов авиации и железных дорог оборонного значения. Сотни подростков с 16 лет в принудительном порядке были мобилизованы в школы фабрично-заводского обучения системы трудрезервов. Не просто, на границе с выживанием проходили трудовые будни жителей нашей страны и в период военных действий, и во время оккупации. Собранные в архивах, опубликованные документы, воспоминания участников дают возможность сегодня реконструировать трудовую повседневность жителей тыла во время войны.

Цель настоящей работы – изучение трудовой мобилизации в повседневной жизни жителей населения Ставрополя в годы Великой Отечественной войны. Работа базируется на опубликованных и неопубликованных архивных документах Государственного архива Ставропольского края (фонды Р-1852 – «Исполнительный комитет Ставропольского краевого Совета народных депутатов (крайисполком), г. Ставрополь, 1937–1989 гг.»; Р-1060 – «Коллекция документов по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»), в состав которых вошли также материалы центральных и местных газет, дневники, воспоминания и письма очевидцев событий 1941–1945 гг.

Ставропольский край (до января 1943 г. – Орджоникидзевский) до начала Великой Отечественной войны представлял собой сельскохозяйственный регион с населением около 2 млн человек, 77 % которых проживали в сельской местности [9, с. 5] Большая часть жителей Ставрополя была занята при производстве зерновых культур – пшеницы и ячменя, урожаи которых только на начало 1940-х стали полностью обеспечивать потребности страны, особенно богатым стал урожай 1941 г. [10, с. 8]. В 1940 г. на Ставрополье работали 1 065 крупных заводов и фабрик, в том числе три предприятия тяжелой индустрии, на которых уже через несколько дней после начала войны началась перестройка на выпуск военной продукции [11, с. 25–30]. Санатории и пансионаты Кавказских Минеральных Вод стали крупнейшей госпитальной базой на Северном Кавказе.

С первых дней войны на Ставрополье началась мобилизация. В 1941–1942 гг. на Северном Кавказе были сформированы и экипированы десятки дивизий, бригад, отдельных полков. Тысячи трудоспособных людей преимущественно мужского пола были отправлены на фронт. Население, оставшее-

ся в тылу, помимо забот о семье, пропитании, выживании приняло на себя тяжесть трудовой повинности и трудовой мобилизации.

Президиумом Верховного Совета СССР практически сразу же после начала войны были изданы ряд указов, которые давали полномочия в местностях, объявленных на военном положении, военным властям осуществлять привлечение граждан к трудовой повинности. Под такой повинностью, существовавшей ранее в годы гражданской войны, теперь понималось выполнение оборонных работ, а также охрана путей сообщения, строительство важнейших военных и военно-промышленных объектов, установка и прокладка средств связи. [12, с. 213–215] Для того чтобы население «не отвлекалось» от основной работы, были временно отменены очередные и дополнительные отпуска рабочим и служащим, вместо них выплачивалась денежная компенсация. Теперь к сверхурочным работам было разрешено привлекать всех работников, в том числе и не достигших 16 лет. На основании указанных документов был введен 11-часовой день в регионах [13].

С началом войны на территории Ставрополя (Орджоникидзевский край) было развернуто строительство стратегически важных объектов: аэродромов, летных полей, специальных сооружений, станций железных дорог, оборонных предприятий. В сентябре 1941 г. было начато ускоренное строительство железной ветки Кизляр – Астрахань. Такая дорога (спецстройка НКПС № 8) сооружалась для обеспечения бесперебойного подвоза нефти из Баку в центр страны. 29 сентября 1941 г. вышло постановление бюро Орджоникидзевского краевого комитета ВКП(б), в котором было указано:

1) «Считать строительство железнодорожной линии Кизляр – Астрахань важнейшей стройкой в крае...

2) для обеспечения плана строительства... направить не позже 10 октября в порядке трудгужповинности 1 800 пароконных подвод с двумя колхозниками на каждую подводу...» [14, л. 27–27 об.].

Мобилизованных колхозников предписывалось обеспечить за счет колхозов бытовым инвентарем, кухонным и столовым оборудованием.

Строительство требовало огромных людских ресурсов, что, учитывая призванных на фронт мужчин, было трудновыполнимой задачей для колхозов. Только для строительства железной ветки необходимо было мобилизовать 3 500 человек и 1 800 подвод. Судя по архивным сводкам районов Орджоникидзевского края, мобилизация проходила тяжело, администрация не находила свободной рабочей силы, так как многие жители Ставрополя привлекались к другим оборонным работам. Например, председатель Ипатовского райсовета в

письме председателю крайсовета отчитывается, что вместо запланированных 20 подвод и 500 человек он может выслать 40 подвод и только 80 человек, так как в районе одновременно производится строительство аэродрома, для чего мобилизовано 1 000 человек и более 200 подвод. «Отправить автотранспорт не представляется возможным, потому что на всех автомобилях нет исправной резины» [14, л. 19].

Строительство железной дороги проходило в полупустынной местности, в суровых климатических условиях зимы 1941–1942 гг., сопровождалось налетами вражеской авиации. Лишь в августе 1942 г. ценой огромных усилий новая железная дорога была введена в эксплуатацию [15, с. 36].

Так как Ставрополье – это прежде всего сельскохозяйственный регион, население края в течение войны было мобилизовано на сельхозработы, особенно в период сбора урожая. В соответствии с постановлением СНК от 2 июня 1941 г., которое разрешало привлекать к работе учащихся 7–10-х классов школ, как городских, так и сельских, Орджоникидзевский крайисполком обязал местные исполкомы организовать бригады школьников. Подростков организовывали, разделив по полу, во главе с учителями и прикрепляли к колхозам или совхозам, испытывающим недостаток в рабочей силе. Каждый учащийся должен был отработать в день от 6 до 8 часов в зависимости от возраста и характера работы [16, с. 27–28].

С конца 1941 г. масштабы трудовой мобилизации населения возрастают. Власть проводит ее поэтапно. В 1941 г. мобилизация коснулась всех рабочих и служащих предприятий военной промышленности. С начала 1942 г. (февраль) было охвачены трудовой мобилизацией уже все трудоспособное население городов, а именно: мужчины от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет [17, с. 222]. Горожане в принудительном порядке направлялись на работу на предприятия оборонного комплекса, а также на металлургические заводы.

Наконец, в апреле 1942 г. трудовая мобилизация, согласно нормативным документам, охватила все трудоспособное население городов и сельских местностей, которое не работало на предприятиях промышленности и транспорта: мужчин – от 14 до 55 лет, женщин – от 14 до 50 лет. Население разрешалось привлекать для работы на селе. Согласно другому документу, все рабочие и служащие, находившиеся в районах, близких к фронту, должны были быть закрепленными за своими предприятиями, учреждениями. Они также были переведены на положение мобилизованных [18, с. 141]. В соответствии с законами военного времени для всего гражданского населения была установлена уголовная ответственность за нарушение приказа о моби-

лизации, прогулы и неявку на работу по неуважительным причинам.

По мере приближения линии фронта к Кавказу, жители края, которые еще не были охвачены трудовой мобилизацией по тем или иным причинам (возраст, болезнь), привлекались к строительству оборонительных укреплений. Например, на территории Ставропольского края строился оборонительный вал, известный в народе как Сусловский, – линия укреплений от Черного до Каспийского моря. Для производства данных оборонительных работ 21 октября 1941 г. Орджоникидзевский краевой комитет ВКП(б) постановил мобилизовать «все трудоспособное население из числа колхозников, студентов вузов и техникумов, учащихся 9–10-х классов, эвакуированных, домохозяек, служащих учреждений и организаций... – всего в количестве 115 500 человек с инструментом и теплой одеждой» [14, л. 184].

Каждый из мобилизованных на строительство оборонительных сооружений за весь период должен был выполнить 100 кубометров земляных работ. Исполнившие эту норму освобождались от работы досрочно, невыполнившие задерживались на неопределенный срок. Выполнить предписанные кубометры было очень непросто, особенно женщинам, старикам, подросткам. По воспоминаниям участников стройки, зима в тот год была очень ранняя и суровая, с пронизывающим ветром. Работа начиналась в пять утра и заканчивалась в семь вечера. Кормили работников горячей пищей раз в день, по вечерам, в основном кашей без всяких жиров, спали в хате прямо на полу, на постеленной соломе. От работы и холода появлялись кровавые мозоли, обморожения рук и ног. Чтобы население не сбежало со «всенародной» стройки, она круглосуточно охранялась военными патрулями и добровольческими комсомольскими дружинами (см.: [19, с. 387–388]).

Строительство оборонительного вала не было закончено из-за стремительного наступления фашистских войск на Кавказ летом 1942 г. Создаваемые потом и кровью укрепления были пройдены ими без единого выстрела. 3 августа 1942 г. Ставрополь оказался в оккупации, которая продлилась долгие шесть месяцев.

Со второй половины 1943 г., с освобождением Северного Кавказа и по мере отступления линии фронта к западным границам СССР, в стране началось восстановление народного хозяйства в разрушенных фашистами областях. Именно туда и отправляли мобилизованное гражданское население Ставрополя, уцелевшее после оккупации и кровопролитных сражений за Кавказ. Решением исполкома краевого совета депутатов о мобилизации рабочей силы от 21.10.1943 на предприятия

Наркомвооружения планировалось отправить 7 700 жителей Ставрополя: на завод № 231 «Баррикада» г. Сталинграда – 600–900 человек из Ставрополя и 1 000 человек из Буденновска; на предприятие № 304 г. Кунцево – 1 000 человек; в г. Сталинск – 1 200 человек; в г. Усть-Катав Челябинской области – 600 человек; в г. Красногорск – 300 человек; в г. Свердловск – 700 человек, на ст. Юрга Кемеровской области – 100 человек [20, л. 1, 6, 7].

Весной 1944 г. на Ставрополье в результате череды непрерывных мобилизаций жителей края на восстановительные работы в другие регионы возникла парадоксальная ситуация: в крае не хватало порядка 101 тыс. человек для работы в местных колхозах и совхозах, для налаживания коммунального хозяйства в городах Ставропольского края. Тем не менее с сентября 1943 г. и по 1 апреля 1944 г. были мобилизованы и отправлены за пределы региона 375 556 жителей – на восстановление новороссийского цементного завода, Донбасса, Сталинградского тракторного завода [21, с. 229].

Сухие архивные сводки не могут в полной мере передать все трудности жизни мобилизованных на оборонные предприятия жителей. Многим приходилось оставлять семью, начинать трудовые будни, даже не доучившись в школе. Быт и питание мобилизованных часто были плохо организованы, так же как и жилищные условия, отсутствовали одежда, необходимые в быту вещи и т. д.

По воспоминаниям М. А. Приходько, ее, семиклассницу, вместе с подругой мобилизовали в 1941 г. на строительство аэродрома под г. Ростовом-на-Дону. «Труд был невероятно тяжел. Наша бригада – две девчонки 16–17 лет и два деда – Желудь и Вайсенберг. Девчата надрывались, накидывая землю на повозки, а деды управляли лошадьми, отвозили землю на аэродромную полосу, ссыпали ее там. Спали мы у аэродрома, под брочкой, на сене, „ели“ нещадно вши, да так, что хоть и холодно было, мы снимали чулки, под которыми на ногах висели гроздьями эти паразиты. Не избавишься от них никак». Девочки чудом спаслись от смерти, когда началось наступление фашистов под Ростовом и аэродром был взорван [22, с. 124].

П. П. Сафронкина, 13-летним подростком мобилизованная на сельхозработы и оказавшаяся далеко от Ставрополя, во время войны работала вместе с матерью в горном ауле. Женщина вспоминает, что «условий труда не было. Ходила в обуви: кожу обдирали и мехом наверх выворачивали, соломы напихали, так вот и ходили, а летом разутые. Одежды не было почти, ходили в вязаных из шерсти вещах (мама вязала мне)» [22, с. 123]. Оплачивалась работа мобилизованных достаточно скудно, как правило натурой – едой. Респондент вспоминает, что выдавалось 200 граммов пшеницы на один день, и ра-

бочие должны были готовить и добывать себе пропитание сами. «Мы сами делали лепешки, ели траву (сурепку, она так называлась), еще зимой выкапывали и ели мороженую картошку. Спали на сене, плетень положили, сено настелили, одеяло у нас было теплое и подушки две» [22, с. 123].

Письма граждан в различные инстанции свидетельствуют, что не только условия работы мобилизованных были очень тяжелыми, порой непосильными для детского или женского организма. На различные виды физического труда нередко привлекались люди больные, ослабленные, но партийные и военные чиновники с этим попросту не считались, так как важно было выполнить разнарядку (схожая ситуация складывалась и с мобилизацией в армию). Например, жительница г. Ворошиловска (Ставрополя) просила освободить от мобилизации на сельхозработы свою мать, которая «больна сердцем и женскими болезнями» и «ходит с большим трудом». Тем не менее медицинская комиссия признала ее годной к полевым работам. На резолюции к документу указано, что «не доверять комиссии нет основания. Освободить не можем» [21, с. 58–59]. В. Т. Гаврилов в письме председателю Ворошиловского горисполкома просил освободить от мобилизации на сельхозработы свою жену, которая больна малярией после переезда из Ташкента, а также присматривала за 11-летним сыном, психически нездоровым после удара электрическим током [21, с. 59–60]. Воюющий на фронте М. И. Мосель в письме директору свиносовхоза Гусеву писал, что его жена Мария, вынужденная ухаживать за больной престарелой матерью и двумя маленькими дочками – трехлетней и годовалой, не может далее выполнять тяжелую работу в совхозе, и просил освободить ее от работы либо перевести на другую, менее загруженную [23, л. 19].

Другой фронтовик, А. И. Тригуб, находящийся в армии «без перерыва с 1939 года», пишет в январе 1944 г. заведующему военным отделом Апанасенковского райкома ВКП(б), что у него «сердце кровью обливается» за издевательства над женой. Его жена, Мария Васильевна, работает в колхозе, но колхоз не выдал ей на заработанные трудовые ни корма для единственной коровы, ни топлива. Более того, председатель объявил ей, «что она с дочкой отправляется на работу и должна покинуть село Дивное, а 70-летняя мать должна отправиться в дом для стариков. Причем у нее отобрали паспорт» [21, с. 79]. Письма фронтовиков в различные инстанции, довольно часто – председателям колхозов или совхозов, были явлением нередким и сохранились до наших дней в архивах. В этих письмах – боль и отчаяние от того, что муж, отец или сын находятся далеко и не могут позаботиться о своей семье, а государство заботиться обещало, но

по какой-то причине «забыло» семью фронтовика. Например, в Ставропольском государственном архиве сохранились многочисленные письма на имя директора свиновхоза «Коммунар» Молотовского района Ставропольского края А. М. Гусева.

Нередко попавшие под трудовую мобилизацию жители лишались последнего источника дохода и пропитания, так как налоговое бремя того времени было непосильным. Только краткий перечень налогов военного времени включал в себя в 1944 г. подоходный и военный налоги, налог на холостяков, сельхозналог, налог на лошадей единоличных хозяйств, самообложение, госпошлины [24, л. 170]. Жительница Ворошиловска П. П. Забелина в заявлении с просьбой освободить от мобилизации на сельхозработы (июнь 1942 г.) отмечала, что она, жена и мать бойцов Красной армии, работает в горводепроводе и имеет зарплату 150 рублей. Ее 15-летний сын Александр получает такую же зарплату. На руки семья после выплаты подоходного налога получала в совокупности 200 рублей. При этом на них были возложены еще налоги в общей сумме 920 рублей (на приусадебное хозяйство, дом и корову, которые позволяли выжить). Председатель колхоза мобилизовал мать и подростка-сына на сельскохозяйственные работы, заставляя хозяйство сдать в колхоз, а дом забить, но «я не могу это сделать, ибо мое достояние досталось мне кровью и потом». К документу была приложена справка о социальной помощи семье красноармейца, которая, по словам заявительницы, «оказалась пустой бумажкой» [21, с. 60–61].

О трудностях повседневной жизни мобилизованных свидетельствуют документы, посвященные причинам самовольных уходов учащихся из ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО). Создание учебных заведений этого типа, относящихся к так называемой системе трудрезервов, было начато еще в 1940 г. и имело целью подготовить квалифицированных рабочих для непрерывного пополнения ключевых отраслей промышленности и транспорта страны. Ряд специальных указов начала 1940-х гг. давал право мобилизовать молодых людей обоего пола для обучения в школах ФЗО. Эти школы располагались, как правило, на крупных железнодорожных узлах и на промышленных предприятиях-гигантах [25, с. 17]. Школы ФЗО, организованные на принципах мобилизации, служили адекватным инструментом в системе управления трудовым потенциалом, позволявшим правительству в экстремальных условиях вовлекать в производственный процесс большие массы трудоспособного населения. Только в первый период войны (1941–1942 гг.) мобилизации (призывы) молодых рабочих были проведены в СССР 16 раз [26, с. 499–500].

Согласно архивным данным, мобилизация в систему трудрезервов в военные годы на Ставрополе проходила достаточно сложно. Указом СНК от 29.12.1941 в предельно сжатые сроки (с середины января по начало февраля 1942 г.) в школы ФЗО из Орджоникидзевского края должны быть призваны 2 тыс. молодых людей из числа городской и сельской молодежи мужского пола 16–17 лет и женского пола 16–18 лет. Всех «призывников» предполагалось обеспечить верхней одеждой, обувью, двумя сменами белья, продуктами питания на время следования в пути. Колхозная молодежь снабжалась за счет колхозов, для остальной молодежи – обязанность по обеспечению ложилась на плечи родителей [27, л. 1–2].

Развертывание сети ФЗО, несмотря на их важность для непрерывного функционирования военной экономики, было организовано крайне плохо. Все материально-хозяйственные заботы, касавшиеся снабжения школьников ФЗО, власть относила к компетенции местных органов управления и администрации предприятий. Последние оказались абсолютно неподготовленными к количеству мобилизованной молодежи, ее размещению, питанию, снабжению одеждой, учебными пособиями, оборудованием для учебы и т. д. В результате существовал дефицит самых необходимых в быту вещей, например одежды, нехватка питания приняла хронический характер [25, с. 18–19]. Как показывает анализ повседневных бытовых трудностей и причин побега учеников ФЗО, последние стали жертвой экономии и недофинансирования.

В справке о причинах самовольных уходов учащихся из школ ФЗО 1943 г. отмечается, что только за апрель из этих учебных заведений «сбежали» свыше 300 человек. Основными причинами уходов являются неудовлетворительное питание, острая нехватка теплой одежды и обуви, как следствие – недоедание, болезни. Меню школ ФЗО очень однообразно: мало картофеля и овощей, отсутствуют молочные продукты. Сотни учащихся не могут выходить на производственное обучение из-за нехватки пар обуви. Несколько смягчило положение вещей самостоятельное изготовление обуви на деревянной подошве [28, с. 139–140].

Как и другие начинания в сфере образования, создание системы трудрезервов проходило без четкого плана, практически на самообеспечении. Школьники, по сути, прикреплялись к промышленным предприятиям на положении бесплатной рабочей силы – их не обучали, а только заставляли работать. В школах ФЗО развивались такие негативные явления, как низкое качество профессиональной подготовки, систематические побеги учащихся из училищ, хулиганство, полукриминальный быт.

Таким образом, с первых дней войны на Ставрополье началась помимо военной трудовая мобилизация, которая выражалась в привлечении населения региона к трудовой повинности. Жители города и села, не задействованные в военной промышленности, в принудительном порядке отправлялись на строительство военных укреплений, аэродромов, оборонных предприятий, станций железных дорог. Женщины, дети, подростки привлекались также к выполнению сельскохозяйственных работ, в основном по сбору урожая. По мере наступления немецко-фашистских войск на Кавказ объемы оборонительных работ, на которых был задействован труд гражданского населения, постоянно возрастали. Несмотря на освобождение Кавказа в 1943 г., трудовая мобилизация только усиливалась. Ставропольский край, в котором не хватало тысяч свободных рук в разоренных после оккупации колхозах и совхозах, и в 1944, и в 1945 г. посылал согласно разнарядке своих жителей на восстановление промышленных гигантов в Крыму, на Украине, в Подмосковье.

Как показывает анализ архивных документов, а также воспоминания, письма участников описываемых событий, трудовая мобилизация в крае проходила тяжело: не хватало рабочей силы, транспорта и лошадей, мобилизованным не создавались условия для жизни, питания, господствовала антисанитария. Тяжелый физический труд был не по

силам ослабленному условиями войны населению, большинство из которого составляли женщины, дети и старики, мобилизовали нередко больных, нетрудоспособных людей. Многочисленные случаи побега подростков, мобилизованных в школы ФЗО, свидетельствуют о том, что быт и труд молодых людей были не организованы, стал хроническим дефицит оборудования, учебных пособий, производственных и жилых помещений, одежды и питания. Равнодушие партийной администрации, стремление выполнить разнарядку несмотря ни на что, плохая организация и нередко – полная бесполезность изнурительного труда (как в случае с Суловским валом) – приметы советского тыла военного времени.

В целом новые условия существования во время войны коренным образом меняли повседневную жизнь населения городов и сел Ставрополья. Нормой жизни становился героический труд, часто недобровольный, изнурительный, в тяжелейших условиях военного времени. Трудовая мобилизация, несмотря на все неудачи ее проведения и организации, позволяла в короткие сроки аккумулировать большое число людей на нужных направлениях и в конечном итоге выиграть тяжелейшую войну. Ударный труд, активно пропагандируемый советской печатью, для многих действительно стал нормой поведения, законом жизни в условиях военного и послевоенного времени.

Список источников и литературы

1. Кринко Е. Ф. Великая Отечественная война: формирование пространства исторической памяти / Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 445 с.
2. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 78–80.
3. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт истории РАН, 1997. 209 с.
4. Кольга Г. И. Военная повседневность: продовольственное обеспечение Красной армии и германского вермахта в ходе Второй мировой войны: сравнительный анализ // Научные ведомости БелГУ. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 88–95.
5. Гетманова Е. А. Повседневная жизнь женщин Ставрополья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2016. 217 с.
6. Андриенко М. В., Линец С. И. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 156 с.
7. Кринко Е. Ф., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
8. Гончаров Г. А. Трудовая мобилизация советских граждан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2006. № 6. С. 183–186.
9. Ставропольский край. Справочник / под общ. ред. В. Г. Гниловского. Ставрополь: Книжное изд-во, 1961. 351 с.
10. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Ставрополь: Ставроп. книжное изд-во, 1962. 514 с.
11. Петренко Т. А., Линец С. И. Эвакуационный процесс на Ставрополье летом 1942 года: успехи и неудачи. Пятигорск: Спецпечать, 2005. 124 с.
12. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Манделштам. М.: Гос. изд-во юр. литературы, 1956. 500 с.
13. Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». URL: <https://ru.wikisource.org/>.

14. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 22.
15. Ставропольцы в Великой Отечественной войне. Историко-публицистические очерки. Ставрополь: Ставропольский фонд культуры, 1995. 349 с.
16. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / под ред. Т. А. Булыгиной. Ставрополь: СГУ, 2005. 608 с.
17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / КПСС; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова: 9-е изд., испр. и доп. Т. 7: 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. 574 с.
18. Серегина Л. В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 139–148.
19. Великов Г. А. Оккупация // Безумие во имя утопии, или Ставропольская голгофа. Ставрополь: Ставрополье, 2009. 576 с.
20. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 42.
21. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах: сб. документов / сост. В. Белоконов, Г. Колпикова, Г. Никитенко. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. 696 с.
22. Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект): хрестоматия / отв. ред. Е. Г. Пономарев. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. 242 с.
23. ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 16.
24. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 50.
25. Докучаева И. Г. Образование системы государственных трудовых резервов СССР и начало ее деятельности в Сибири (1940–1942 гг.) // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2016. № 1 (65). С. 16–18.
26. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961. 682 с.
27. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 17.
28. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. Серия «Документы советской истории» / сост. А. Я. Лившиц, И. Б. Орлов. М.: РОСПЭН, 2003. 471 с.

Тальцев Александр Николаевич, аспирант, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова (ул. Бутырина, 46, Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания, Россия, 362005). E-mail: sasha.sbc@gmail.com

Материал поступил в редакцию 16.04.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-157-165

LABOR MOBILIZATION IN THE EVERYDAY LIFE OF STAVROPOL RESIDENTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. N. Tal'tsev

Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation

Everyday life of wartime, or military daily life is one of the new research fields of modern historical science. The study of the events of the war “from the trench”, from the position of the combatant, or – through the eyes of a resident of the rear, who finds himself in harsh conditions of survival – helps to reconstruct the everyday labor and leisure practices, the behavioral motives of people, to more fully and deeper explore the reflection of war in the life of the population, and a separate region. The study of published and unpublished archival documents, including memoirs, letters from the inhabitants of Stavropol Territory during the Great Patriotic War, make it possible to present the scope and scale of such a phenomenon as labor mobilization. The population of the province, as well as the whole country, from the first days of the war was involved in the fulfillment of labor obligations – the construction of defense facilities, fortifications, agricultural work. Heavy physical labor, according to the memories of the participants, was beyond the strength of many women, children, adolescents. For the mobilized there were no life and nutritive conditions created, insanitary conditions prevailed. The schoolchildren, who were called to the factory schools, did not have enough clothes and shoes, poor nutrition was combined with hard work instead of training. Numerous “letters to the authorities” of wartime, including from the front line, are filled with pain and despair about the plight of their families, mobilized for work and being at the limit of survival. In general, labor mobilization, accumulating for the needs of defense the free work of a huge number of people, radically changed the daily life of the population. The hardest, in harsh conditions, shock work became the norm of life, allowing, in the end, to win the war.

Key words: *labor mobilization, the Great Patriotic War, the inhabitants of the rear, everyday life, the people of Stavropol.*

References

1. Krinko E. F. Velikaya Otechestvennaya voyna: formirovaniye prostranstva istoricheskoy pamyati [The Great Patriotic War: the formation of the space of historical memory]. *Velikaya Otechestvennaya voyna v prostranstve istoricheskoy pamyati rossiyskogo obschestva: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (28–29 aprelya 2010, Rostov-na-Donu – Taganrog). Otv. red. akad. G. G. Matishov [Great Patriotic War in the space of the historical memory of Russian society: Proceedings of the International Scientific Conference (28–29 April 2010, Rostov-on-Don – Taganrog). Executive editor academician G. G. Matishov]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publ., 2010. 445 p. (in Russian).
2. Lyudtke A. Chto takoye istoriya povsednevnosti? Eye dostizheniya i perspektivy v Germanii [What is the history of everyday life? Its achievements and prospects in Germany]. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 1998/1999* [Social History. Yearbook.1998/1999]. Moscow, 1999. Pp. 78–80 (in Russian).
3. Senyavskaya E. S. *Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskiye ocherki* [Man in the war. Historical and psychological essays]. Moscow, Institute of History, Russian Academy of Sciences Publ., 1997. 209 p. (in Russian).
4. Kol'ga G. I. Voyennaya povsednevnost': prodovol'stvennoye obespecheniye Krasnoy armii i germanskogo vermakhta v khode Vtoroy mirovoy voyny: sravnitel'nyy analiz [Military daily: food supply of the Red Army and the German Wehrmacht during the Second World War: comparative analysis]. *Nauchnyye vedomosti BelGU – Belgorod State University Scientific Bulletin*, 2010, no. 19 (90), issue 16, pp. 88–95 (in Russian).
5. Getmanova E. A. *Povsednevnyaya zhizn' zhenshchin Stavropol'ya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)*. Dis. kand. ist. nauk [The daily life of women in the Stavropol Territory during the Great Patriotic War (1941–1945). Diss. cand. hist. sci.]. Pyatigorsk, 2016. 217 p. (in Russian).
6. Andrienko M. V., Linets S. I. *Naseleniye Stavropol'skogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: otsenka povedencheskikh motivov* [Population of the Stavropol Territory during the Great Patriotic War: an assessment of behavioral motives]. Pyatigorsk, PSLU Publ., 2009. 156 p. (in Russian).
7. Krinko E. F., Tazhidinova I. G., Khlynina T. P. *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy* [The everyday world of Soviet man 1920–1940-ies: life in the conditions of social transformations]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publ., 2011. 360 p. (in Russian).
8. Goncharov G. A. Trudovaya mobilizatsiya sovetskikh grazhdan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Labor mobilization of Soviet citizens during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*, 2006, no. 6, pp. 183–186 (in Russian).
9. *Stavropol'skiy kray. Spravochnik*. Pod obsch. red. V. G. Gnilyovskogo [The Stavropol Territory. Directory. Ed. by V. G. Gnilyovskiy]. Stavropol', Kn. Izd. Publ., 1961. 351 p. (in Russian).
10. *Stavropol'e v Velikoy Otechestvennoy voynе 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov* [Stavropol Territory in the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of documents and materials]. Stavropol', Stavrop. knizhnoye izd-vo Publ., 1962. 514 p. (in Russian).
11. Petrenko T. A., Linets S. I. *Evakuatsionnyy protsess na Stavropol'ye letom 1942 goda: uspekhi i neudachi* [The evacuation process in Stavropol in the summer of 1942: successes and failures]. Pyatigorsk, Spetspechat' Publ., 2005. 124 p. (in Russian).
12. *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g.* [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – July 1956. Edited by Yu. I. Mandelstam]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury Publ., 1956. 500 p. (in Russian).
13. *Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 26 iyunya 1941 g. "O rezhime rabochego vremeni rabochikh i sluzhashchikh v voyennoye vremya"* [Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of June 26, 1941 "On the mode of working hours of workers and employees in wartime"]. The electronic library "Vikiteka". URL: <https://ru.wikisource.org/> (in Russian).
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State Archives of the Stavropol Territory]. F. R-1852. Op. 12. D. 22 (in Russian).
15. *Stavropol'tsy v Velikoy Otechestvennoy voynе. Istoriko-publitsisticheskiye ocherki* [Stavropol in the Great Patriotic War. Historical and journalistic essays]. Stavropol, Stavropol'skiy fond kul'tury Publ., 1995. 349 p. (in Russian).
16. *Stavropol'ye: pravda voyennykh let. Velikaya Otechestvennaya v dokumentakh i issledovaniyakh* [Stavropol': the truth of the war years. The Great Patriotic War in documents and research. Ed. by T. A. Bulygina]. Stavropol, SSU Publ., 2005. 608 p. (in Russian).
17. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezдов, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. *KPSS; In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS: 9-e izd., ispr. i dop. T. 7: 1938–1945* [Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee. Under the general editorship of A. G. Egorov, K. M. Bogolyubov: 9th edition, revised and amended. Vol. 7: 1938–1945]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 574 p. (in Russian).
18. Seregina L. V. Trudovoye pravo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Labor Law in the Great Patriotic War]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2010, no. 8, pp. 139–148 (in Russian).
19. Belikov G. A. Okkupatsiya [Occupation]. *Bezumiye vo imya utopii, ili Stavropol'skaya golgofa* [Madness in the name of utopia or Stavropol Golgotha]. Stavropol, Stavropol'e Publ., 2009. 576 p. (in Russian).
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State Archives of the Stavropol Territory]. F. R-1852. Op. 12. D. 42 (in Russian).
21. *Golosa iz provintsii: zhiteli Stavropol'ya v 1941–1964 godakh: sbornik dokumentov*. Sost. V. Belokon, G. Kolpikova, G. Nikitenko [Voices from the province: residents of Stavropol in 1941–1964: a collection of documents. Comp. V. Belokon, G. Kolpikova, G. Nikitenko]. Stavropol, Commitet Stavropol'skogo kraya po delam arkhivov Publ., 2011. 696 p. (in Russian).

22. *Deti voyny: 1941–1945 gg. (antropologicheskii aspekt): khrestomatiya*. Otv. red. E. G. Ponomarev [Children of war: 1941–1945 (anthropological aspect): reader. Ed. by E.G. Ponomarev]. Stavropol, SSPI Publ., 2011. 242 p. (in Russian).
23. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archives of the Stavropol Territory]. F. R-1060. Op. 1. D. 16 (in Russian).
24. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archives of the Stavropol Territory]. F. R-1852. Op.12. D. 50 (in Russian).
25. Dokuchaeva I. G. Obrazovaniye sistemy gosudarstvennykh trudovykh rezervov SSSR i nachalo eye deyatelnosti v Sibiri (1940–1942 gg.) [Formation of the system of state labor reserves of the USSR and the beginning of its activity in Siberia (1940–1942)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kemerovo State University*, 2016, no. 1 (65), pp. 16–18 (in Russian).
26. *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg.* T. 2. Otrazheniye sovetским народом verolomnogo napadeniya fashistskoy Germanii na SSSR. Sozdaniye usloviy dlya korennogo pereloma v voyne (iyun' 1941 g. – noyabr' 1942 g.) [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945. Vol. 2. Reflection by the Soviet people of the treacherous attack of fascist Germany on the USSR. Creation of conditions for a radical change in the war (June 1941–November 1942)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 682 p. (in Russian).
27. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archives of the Stavropol Territory]. F. R-1852. Op. 12. D. 17 (in Russian).
28. *Sovetskaya povsednevnost' i massovoye soznaniye. 1939–1945. Seriya "Dokumenty sovetskoy istorii"*. Sost. A. Ya. Livshits, I. B. Orlov [Soviet everyday life and mass consciousness. 1939–1945. Series "Documents of Soviet History". Compiled by A. Ya. Livshits, I. B. Orlov]. Moscow, ROSEN Publ., 2003. 471 p. (in Russian).

Tal'tsev A. N., Khetagurov North Ossetian State University (ul. Vatutina, 46, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation, 362005). E-mail: sasha.sbe@gmail.com